АКТУАЛЬНОСТЬ МАРКСА: 150 ЛЕТ ПОСЛЕ НАПИСАНИЯ «ГРУНДРИССЕ» (Интервью с Эриком Хобсбаумом)

Entrevista УРОКИ ИСТОРИИ

В этом году исполнилось 150 лет со времени завершения работы над первым черновым вариантом «Капитала» – Экономической рукописью 1857–1858 гг., известной под названием «Грундриссе» (« Grundrisse der Kritik der politischen Ö konomie»), то есть «Основные черты критики политической экономии», – одного из наиболее интересных и значительных произведений в теоретическом наследии Карла Маркса.

По инициативе итальянского историка профессора университета г. Неаполя Марчелло Мусто в связи с этим событием была подготовлена монография ««Грундриссе» Карла Маркса. Основные черты критики политической экономии: 150 лет спустя», вышедшая из печати в конце июля 2008 г. в Лондоне в издательстве « Routledge». Монография содержит очерки специалистов из более двадцати стран мира (Аргентины, Бразилии, Великобритании, Венгрии, Германии, Греции, Дании, Испании, Италии, Китая, Нидерландов, США, России, Франции, Южной Кореи, Японии и др.), в которых анализируются различные теоретические аспекты рукописи Маркса, представляющие актуальный интерес сегодня, а также излагается история изданий, переводов и распространения «Грундриссе» в различных странах мира, начиная с первого издания рукописи, опубликованной на языке оригинала (немецком) в Москве в 1939 г. В настоящее время готовятся к изданию китайский и итальянский переводы монографии, которые должны выйти в свет осенью 2008 г. Предисловие к монографии написал известный британский историк Эрик Хобсбаум (Eric Hobsbawm). Ниже предлагается текст его интервью, данного редактору монографии М. Мусто в связи с выходом книги в свет.

Эрик Хобсбаум считается одним из наиболее крупных современных историков. Он – президент Birkbeck College Лондонского университета и профессор (в отставке) Новой школы социальных исследований (Нью-Йорк). Среди его многочисленных работ – трилогия, посвященная «долгому 19-му веку», озаглавленная «Эпоха революций: Европа в 1789–1848 гг.» (1962), «Эпоха капитала: 1848–1874 гг.» (1975) и «Эпоха империй: 1875–1914 гг.» (1987), а также книга «Эпоха экстремальностей: короткий 20-й век, 1914–1991 гг.» (1994).

Марчелло Мусто: Профессор Хобсбаум, спустя двадцать лет после 1989 г., когда Маркс слишком поспешно был предан забвению, он вернулся в наше время. Освобожденный от роли руководящего инструмента (instrumentum regni), которая ему приписывалась в Советском Союзе, а также от оков «марксизма-ленинизма», Маркс в последние несколько лет, благодаря новым публикациям его трудов, не просто вновь привлек внимание, а оказался в центре интереса все более широкого круга мыслящих людей. В самом деле, в 2003 г. французский журнал «Nouvel Observateur» посвятил специальный выпуск Карлу Марксу, озаглавленный «Карл Маркс – мыслитель третьего тысячелетия?». Спустя год в Германии при организованном телекомпанией ZDF опросе общественного мнения о том, кто является наиболее значительными немцами всех времен, более 500 000 голосов было отдано Марксу; он был третьим в общем опросе и первым в категории «наиболее актуальный». Затем, в 2005 г., еженедельник «Der Spiegel» дал его портрет на обложке с подписью «Призрак возвращается», в то время как слушатели программы «Наше время» BBC (Radio 4) проголосовали за Маркса как наиболее крупного философа нашего времени.

В недавнем публичном разговоре с Жаком Аттали Вы сказали, парадоксально, что «именно капиталисты больше, чем остальные, открывают вновь Маркса» и говорили о своем изумлении, когда такой бизнесмен и либеральный политик, как Джорж Сорос сказал Вам, что «читает сейчас Маркса и в том, что он говорит, многое вызывает уважение». Если даже эти проявления слабы и скорее разрозненны, каковы причины для такого возрождения? Представляет ли наследие Маркса интерес только для специалистов и интеллектуалов, заслуживая лишь то, чтобы быть представленным в университетских курсах в качестве великой классики современной мысли, которая никогда не должна быть забытой? Или же новая «потребность в Марксе» придет в будущем также и с политической точки зрения?

Эрик Хобсбаум: В капиталистическом мире имеет место бесспорный общественный интерес к Марксу, хотя, возможно, это пока не происходит в новых восточноевропейских странах-членах Европейского Союза. Возможно, этот процесс был ускорен тем обстоятельством, что 150-летняя годовщина публикации «Манифеста Коммунистической партии» совпала с чрезвычайно драматичным международным экономическим кризисом в период стремительно развивающейся глобализации свободного рынка.

Сто пятьдесят лет назад на основе анализа «буржуазного общества» Маркс предсказал природу мировой экономики начала 21 века. И не удивительно, что на мыслящих капиталистов, особенно в глобализированном финансовом секторе, он произвел впечатление, поскольку Марксом, в большей степени, чем кому-либо другому, было необходимо осознать природу и нестабильность капиталистической экономики. Большинство «левых» интеллектуалов не знали, что делать с Марксом. Они были деморализованы крахом социал-демократического проекта в большинстве северо-атлантических государств в 1980-х гг. и массовым обращением национальных правительств к идеологии свободного рынка, а также крушением политических и экономических систем, которые заявляли, что они основаны на идеях Маркса и Ленина. Так называемые «новые социальные движения», такие, как феминизм, не имели логической связи с анти-капитализмом (хотя отдельные их члены могли быть с ним связаны) и оспаривали веру в бесконечный прогресс контроля человека над природой – идею, которую разделяли как капитализм, так и традиционный социализм. В то же время «пролетариат», разделенный и уменьшившийся, перестал внушать доверие как, по Марксу, историческая действующая сила социальной трансформации. Следовательно, факт, что начиная с 1968 г., наиболее известные радикальные движения предпочитают прямое действие, не обязательно базирующееся на продуманном теоретическом анализе.

Разумеется это не означает, что Маркса перестанут почитать как великого классического мыслителя, хотя по политическим причинам, именно в таких странах, как Франция и Италия с их некогда мощными коммунистическими партиями, имели место страстные интеллектуальные выступления против Маркса и марксистского анализа, пик которых приходился на 1980-е и 1990-е гг. Есть признаки того, что этот курс продолжается.

Марчелло Мусто: На протяжении всей своей жизни Маркс был неустанным проницательным исследователем, который лучше, чем кто-либо из его современников, понимал и анализировал развитие капитализма как мировой системы. Он осознавал, что рождение глобальной мировой экономики было внутренне присуще капиталистическому способу производства и предсказывал, что этот процесс породит не только рост и процветание,

провозглашаемые либеральными теоретиками и политиками, но и сильные конфликты, экономические кризисы и масштабную социальную несправедливость. В последнее десятилетие мы наблюдали юго-азиатский финансовый кризис, начавшийся летом 1997 г., аргентинский экономический кризис 1999–2002 гг., и, в особенности, ипотечный кризис, начавшийся в Соединенных Штатах в 2006 г. и ставший самым сильным за послевоенное время финансовым кризисом. Верно ли говорить в этой связи, что в основе возрождения интереса к Марксу лежит кризис капиталистического общества и сохраняющаяся способность Маркса объяснить глубокие противоречия современного мира?

Эрик Хобсбаум: Будет ли политика «левых» в будущем еще раз вдохновляться Марксовым анализом, как это было в «старых» социалистических и коммунистических движениях, – это будет зависеть от того, что произойдет с мировым капитализмом. Но это относится не только к Марксу, а к «левым» в целом как последовательной политической идеологии и проекту. Поскольку, как Вы верно заметили, возврат интереса к Марксу в значительной степени – я бы сказал, главным образом – имеет в своей основе нынешний кризис капиталистического общества, перспектива более обнадеживающая, чем в 1990-е годы. Современный мировой финансовый кризис, который весьма возможно стал главной причиной экономической депрессии в США, драматически показывает провал идеологии обожествления неконтролируемого глобального свободного рынка и заставляет даже правительство Соединенных Штатов рассматривать в качестве мер общественные работы, забытые с 1930-х гг. Политическое давление уже ослабляет подчинение неолиберальных правительств неконтролируемой, неограниченной и нерегулируемой глобализации. В некоторых случаях (Китай) увеличивающиеся неравенство и несправедливость, порождаемые масштабным переходом к экономике свободного рынка, уже вызывают большие проблемы для социальной стабильности и порождают сомнения даже в высших кругах правительства.

Понятно, что любое «возвращение к Марксу» будет по существу возвращением к Марксову анализу капитализма и его места в исторической эволюции человечества – включая, прежде всего, анализ Марксом главной нестабильности капиталистического развития, проистекающей из вызревающих изнутри периодических экономических кризисов, с их политической и социальной составляющими. Ни один марксист никогда не поверит, что история завершилась, или что какая-либо система человеческих отношений может быть законченной и определенной навсегда.

Марчелло Мусто: Не думаете ли Вы, что если бы политические и интеллектуальные силы международных «левых», которые задают себе вопрос о социализме в новом столетии, не должны были бы присягать идеям Маркса, то они утратили бы главное руководство для анализа и преобразования сегодняшней действительности?

Эрик Хобсбаум: Ни один социалист не может не присягать идеям Маркса, если его убежденность в том, что капитализм должен быть сменен другой формой общества основывается не на надежде или вере, а на серьезном анализе исторического развития, в особенности в эпоху капитализма. Точное предвидение Маркса, что капитализм будет заменен социально управляемой или плановой системой представляется разумным, хотя он конечно недооценивал рыночные элементы, которые уцелеют в любой пост-капиталистической системе (системах). Поскольку Маркс намеренно воздерживался от спекуляций относительно будущего, он не может нести ответственность за специфические

формы организации «социалистической» экономики при «реально существующем социализме». Что касается целей социализма, то Маркс был не единственным мыслителем, желавшим общества без эксплуатации и отчуждения, в котором могут быть полностью реализованы все возможности человека, но он выразил это желание гораздо мощнее, чем кто-либо другой и его слова сохраняют вдохновляющую силу.

Однако Маркс не вернется к «левым» в качестве политического вдохновителя до тех пор пока не будет понято, что его труды не должны рассматриваться как политические программы, в качестве указательного перста или как-то еще подобным образом, а также как описание текущего положения в современном капиталистическом мире, а скорее в качестве руководства для понимания его представлений о природе капиталистического развития. Мы не можем и не должны забывать, что Марксу не удалось последовательно довести свои идеи до их полного завершения, во всяком случае не в той форме, как это сделали Энгельс и другие, пытавшиеся сконструировать на основе рукописей Маркса II-й и III-й тома «Капитала». Как показывают «Грундриссе», даже если бы «Капитал» был завершен, он содержал бы лишь часть изначального, возможно исключительно амбициозного, плана Маркса.
С другой стороны, Маркс не вернется к «левым» до тех пор, пока не будет переломлена наблюдаемая у радикальных деятелей тенденция превращения антикапитализма в антиглобализм. Глобализация существует и, исключая крах человеческого общества, она необратима. Маркс признавал это как факт, и будучи интернационалистом, в принципе приветствовал это. То, что он критиковал, и то, что он должен был критиковать, – это тип глобализации, который порождает капитализм.

Марчелло Мусто: Из произведений Маркса самый большой интерес в среде новых читателей и комментаторов вызвали «Грундриссе». Написанные между 1857 и 1858 гг., «Грундриссе» являются первым черновым наброском Марксовой критики политической экономии и таким образом первоначальной подготовительной работой к «Капиталу»; они содержат многочисленные размышления по вопросам, которые не нашли развития ни в одной из других рукописей всего незавершенного наследия Маркса. Как вы считаете, почему именно эта рукопись более чем какой-либо другой труд Маркса продолжает вызывать дискуссии, несмотря на то, что Маркс писал ее только для того, чтобы дать в обобщенной форме свою критику политической экономии? Какова причина ее постоянной привлекательности?

Эрик Хобсбаум: По моему мнению, «Грундриссе» оказали такое большое воздействие на международное интеллектуальное сообщество марксистов по двум взаимосвязанным причинам. Они оставались неопубликованными до 1950-х гг. и, как вы сказали, содержали множество размышлений по вопросам, которые Маркс не развивал нигде более. Они не являлись частью большого собрания догм ортодоксального марксизма в мире советского социализма, однако советский социализм не мог просто отделаться от них. Поэтому они могли использоваться теми марксистами, которые хотели критиковать ортодоксию или расширять рамки марксистского анализа путем обращения к тексту, который не мог быть обвиненным в том, что он еретический или антимарксистский. В следствие этого издания 1970-х и 1980-х гг. (задолго до падения берлинской стены) продолжали вызывать дискуссии с значительной степени потому, что в этих рукописях Маркс поднимал важные проблемы, которые не рассматривались в «Капитале», например, вопросы, затронутые в моем предисловии к сборнику очерков, которые Вы издали.

Марчелло Мусто: В предисловии к этой книге, написанной специалистами разных стран в связи с 150-летней годовщиной создания «Грундриссе», Вы написали: «Возможно, сейчас как раз подходящий момент для того, чтобы вернуться к изучению «Грундриссе», которые менее искажены в изложении политиков «левого» крыла во времéнном промежутке между разоблачениями Сталина, сделанными Никитой Хрущевым, и падением Михаила Горбачева.» Более того, для того, чтобы подчеркнуть исключительную ценность этого текста, Вы утверждали, что «Грундриссе» «содержат прозрения, например, в отношении технологии, которые выводят Марксов анализ капитализма далеко за рамки XIX века, в общество, в котором производство не требует больше масс труда, в общество автоматизации, высвобождения свободного времени и преобразования в этих условиях отчуждения. Это – единственный текст, который в определенном отношении выходит за пределы представлений Маркса о коммунистическом будущем, высказанных в «Немецкой идеологии». Одним словом, «Грундриссе» было бы правильно определить как идеи Маркса во всем их богатстве». Итак, каков результат нового прочтения «Грундриссе» сегодня?

Эрик Хобсбаум: Возможно существует лишь только кучка издателей и переводчиков, которые имеют полное представление об этом обширном, имеющем репутацию трудного для понимания тексте. Но прочтение вновь и вновь, а скорее – чтение его сегодня, может помочь нам переосмыслить Маркса: отличить то, что является общим в Марксовом анализе капитализма от того, что было специфично для «буржуазного общества» середины XIX века. Мы не можем предвидеть выводы этого анализа, кроме того, по-видимому, что эти выводы без сомнения не будут вызывать единодушного согласия.

Марчелло Мусто: В заключение последний вопрос. Почему сегодня важно читать Маркса?

Эрик Хобсбаум: Для каждого, кто интересуется идеями, будь то студент университета или нет, совершенно очевидно, что Маркс является и будет оставаться одним из великих философских умов и экономистов-аналитиков XIX века, а также выдающимся мастером страстной, пассионарной прозы. Маркса важно читать, так как мир, в котором мы сегодня живем, нельзя понять без учета того влияния, которое имели труды этого человека на XIX век. И, наконец, его следует читать потому, что, как он писал сам, нельзя по-настоящему изменить мир до тех пор, пока он не понят, и Маркс остается превосходным руководством для понимания мира и проблем, которым мы должны противостоять.

(Перевод к.э.н. Л.Л. Васиной)